

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664

Монетарное неравенство в России в социологическом измерении

Ссылка для цитирования: *Мареева С. В.* Монетарное неравенство в России в социологическом измерении // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 3. С. 78–98. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664

For citation: *Mareeva S. V.* Monetary inequality in Russia in the sociological dimension. *Vestnik instituta sotziologii.* 2020. Vol. 11. No. 3. P. 78–98. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664

Мареева Светлана Владимировна

Институт социологии ФНИСЦ РАН; НИУ ВШЭ,
Москва, Россия

s.mareeva@gmail.com

AuthorID ПИНЦ: [526217](#)

Аннотация. В представленной статье рассматриваются особенности конфигурации доходного неравенства в современном российском обществе и тенденции его изменений в постсоветский период развития страны. Показано, что на фоне других стран мира традиционные экономические показатели неравенства доходов (децильный коэффициент, индекс Джини) позиционируют РФ как страну с высоким уровнем неравенства в массовых слоях населения по сравнению с европейскими странами, хотя и относительно более низким неравенством сравнительно с иными странами БРИКС. При использовании шкал эквивалентности, корректирующих доходы населения с учётом экономии на масштабе потребления, показатели неравенства для России на международном фоне улучшаются. С точки зрения распределения доходов по квинтилям и концентрации доходов в верхнем из них, Россия также занимает промежуточные позиции, опережая большую часть европейских стран, но не страны БРИКС. Однако верхний квинтиль характеризуется очень высокой дифференциацией – при переходе от 20% наиболее благополучного по доходам населения к 1–5%, позиционирование России на общемировом фоне значительно изменяется: по отрыву «верхушки» от массовых слоёв населения страна выступает одним из мировых лидеров.

Также установлено, что на другом полюсе доходного распределения, в нижних слоях населения, в последние годы происходило «подтягивание» части низкодоходных слоёв к середине, проявившееся в более высоких темпах роста благосостояния у нижних 40% населения по сравнению с населением в целом, а также в заметном снижении уровня бедности в 2000-е гг. Оставшиеся в нижней части распределения граждане сформировали более чёткий портрет бедности, отличающийся от «среднего россиянина» и подчёркивающий важность не только низкого уровня доходов, но и ряда немонетарных измерений неравенства. Этот процесс «усреднения» привел к увеличению численности групп с меди-

анными и средними доходами, которые являются сегодня наиболее массовыми в структуре современного российского общества. Однако увеличение их численности в последние годы происходило не только за счёт улучшения положения части низкодоходного населения, но и в силу «усреднения» уровня доходов более благополучных массовых слоёв.

Ключевые слова: социология, неравенство доходов, неравенство богатства, бедность, среднедоходная группа, доходная стратификация

Проблема неравенства в современных обществах

Обсуждение растущего неравенства как в масштабах всего мира, так и в рамках отдельных стран заметно усилилось в последние годы, что отразилось, в частности, в выходе целого ряда крупных работ ведущих мировых исследователей этой проблемы [Stiglitz 2012, Piketty 2014, Atkinson 2015, Milanovic 2016, Alvaredo et al. 2018, EBRD 2017 и др.]. Неравенство выступает одним из ключевых вызовов современного этапа социально-экономического развития, причём этот вопрос остро стоит не только для развивающихся стран (где острой остается ещё и проблема бедности), но и развитых стран. В фокусе дискуссий вокруг неравенства и возможных подходов к его сокращению обычно находится в первую очередь именно монетарное неравенство – т. е. неравенство доходов или богатства. На первый взгляд, монетарное неравенство проще для измерения и оценки, чем различные типы немонетарных неравенств, и эффекты принимаемых мер социально-экономической политики также легче отслеживать на изменениях его масштабов. Однако нельзя всё-таки не сказать и о том, что немонетарные неравенства приобретают в современных обществах всё большее значение, причём к традиционным их типам, при сохранении их остроты и значимости, добавляются новые [Grusky 2011]. Однако в данной статье мы оставим немонетарные неравенства за рамками рассмотрения и обратимся к проблеме монетарного неравенства в современном российском обществе. Опираясь на данные официальной статистики ФСГС РФ, оценки международных исследовательских центров, а также результаты социологических исследований, мы попробуем представить общую картину неравенства доходов и богатства, сложившуюся в стране к настоящему моменту.

Вопросы неравенства в российском обществе также привлекают в последние годы повышенный интерес исследователей [Аврамова, Малева 2014; Овчарова и др. 2016, Григорьев, Павлюшина 2017, Тихонова и др. 2018]. Чаще с этой тематикой работают экономисты, хотя встречаются и работы, интегрирующие экономические и социологические подходы к анализу. При оценках дифференциации доходов используются не только различные меры неравенства, позволяющие, в частности, придавать больший вес неравенству в нижней или верхней частях доходного распределения, но и различные показатели, для которых

оно оценивается, а также различные методы оценки этих показателей, поскольку и данные статистики, и данные социологических исследований имеют в этом отношении ряд ограничений. При оценке неравенства доходов такими показателями могут выступать, например, доходы *до* или *после* налогообложения; расходы или потребление; неравенство богатства вызывает ещё большие споры, поскольку всегда связано с неоднозначными процедурами их косвенной оценки. Всё это порождает дискуссии о методике и методологии получения наиболее корректной картины монетарного неравенства и оценки его масштабов [Капелюшников 2017]. Однако в данном случае мы не ставим цели внести вклад в методологический дискурс об измерении неравенства – для нас представляет интерес вопрос о том, *как характер монетарного неравенства отражает специфику современного российского общества, что говорит о его социальной структуре?* Поэтому главным акцентом в данной статье станут не столько сами по себе оценки доходного неравенства, сколько те особенности модели российского общества, которые определяются этим неравенством.

Общая характеристика монетарных неравенств в современной России

Для общей характеристики денежных неравенств чаще всего используются коэффициент фондов, индекс Джини, а также распределение общих денежных доходов по процентным группам населения (децилям, квинтилям). Привлекаются в этой связи и показатели, характеризующие уровень и глубину бедности, хотя монетарное неравенство, безусловно, к ней не сводится: не менее важно и то, что происходит в середине и верхней части доходного распределения. Существует и ряд альтернативных методик оценки неравенства (например, индекс Пальма, использующийся для оценки соотношения доходов наиболее благополучной верхней группы населения и более массовых малообеспеченных слоёв; индекс Аткинсона, который позволяет учесть параметр восприятия неравенства; различные показатели энтропии, использующиеся для декомпозиции неравенства), которые, однако, пока не получили достаточного распространения в российской практике [Салмина 2019].

В целом картина динамики доходного неравенства в постсоветской России, которую дают данные о распределении общего объёма денежных доходов по квинтилям (20% -м группам населения), характеризуется происшедшим с 1990-х до середины 2000-х гг. снижением долей доходов, приходящихся на два нижних квинтиля и последующей стабилизацией этой ситуации; в меньшей степени, но всё же это снижение коснулось и третьего квинтиля (часто рассматриваемого в качестве «экономического среднего класса» как находящегося в середине распределения [Dallinger 2013]). Доля доходов, приходящихся на четвёртый квинтиль, оставалась и продолжает оставаться наиболее стабильной, а доля пятого квинтиля

резко возросла в начале 1990-х гг. и сохраняется на высоком уровне и сегодня – на его представителей приходится более 45% всех денежных доходов населения (см. таблицу 1).

В целом такие данные говорят о возросшем в 1990-е гг. неравенстве в массовых слоях населения и всё большем расхождении между нижними 40% и верхними 20% населения. Однако дифференциация верхнего доходного квинтиля очень высока, и его отрыв от остального населения может обеспечиваться динамикой ситуации лишь небольшой доли в его составе – той «верхушки», разрыв между которой и остальным населением очень велик и, судя по данным исследований, не сокращается. При этом в составе верхнего квинтиля присутствуют и россияне, чьё положение выглядит относительно благоприятно на общем фоне, но по факту это благополучие оказывается достаточно скромным и неустойчивым.

Таблица 1 (Table 1)

**Распределение общего объёма денежных доходов
и характеристики дифференциации денежных доходов населения, 1970–2019 гг.**

*Distribution of the overall volume of cash income
and indicators of the cash income differentiation, 1970–2019*

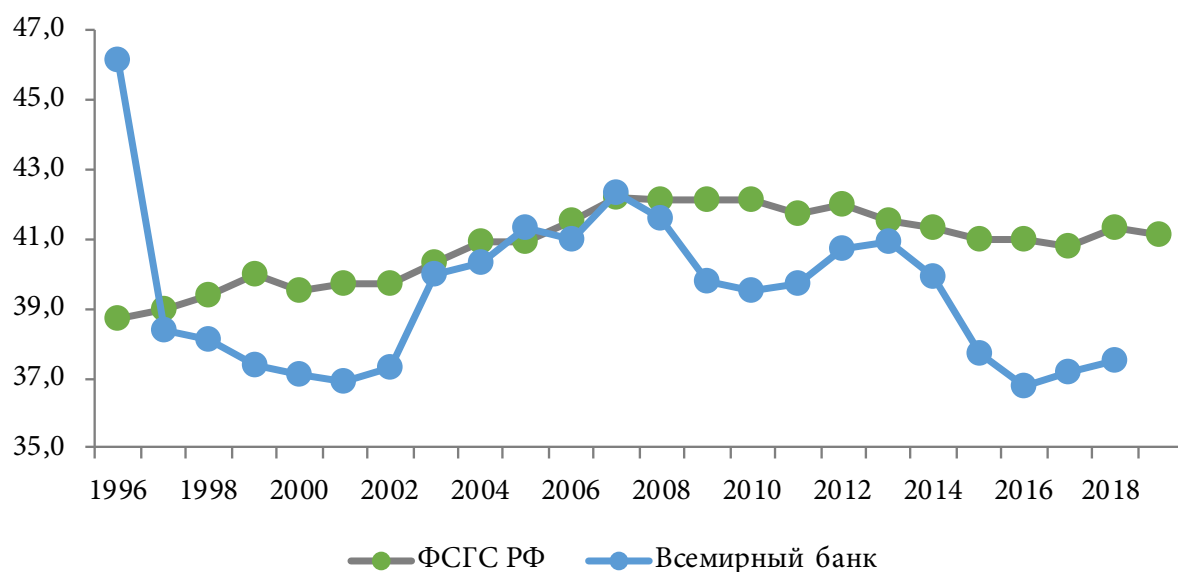
Год	Денежные доходы – всего	В том числе по 20-процентным группам населения, %					Децильный коэффициент фондов, в размах	Индекс Джини
		Первая (с наименьшими доходами)	Вторая	Третья	Четвёртая	Пятая (с наибольшими доходами)		
1970	100	7,8	14,8	18,0	22,6	36,8	...	...
1980	100	10,1	14,8	18,6	23,1	33,4	...	...
1990	100	9,8	14,9	18,8	23,8	32,7	...	...
1995	100	6,1	10,8	15,2	21,6	46,3	13,5	38,7
2000	100	5,9	10,4	15,1	21,9	46,7	13,9	39,5
2005	100	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7	15,2	40,9
2010	100	5,2	9,8	14,8	22,5	47,7	16,6	42,1
2015	100	5,4	10,1	15,0	22,6	46,9	14,8	41,0
2016	100	5,4	10,1	15,0	22,6	46,9	14,8	41,0
2017	100	5,5	10,1	15,1	22,6	46,7	14,6	40,8
2018	100	5,3	10,0	15,0	22,6	47,1	15,6	41,3
2019	100	5,3	10,1	15,1	22,6	46,9	15,4	41,1

Источник: данные ФСГС РФ // URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/urov_32g.doc, обновлено 29.04.2020; 2019 г. – предварительные данные (Дата посещения: 18.06.2020).

Данные официальной статистики оперируют также и другими характеристиками дифференциации доходов, например, децильный коэффициент фондов и индекс Джини. Начиная с 1995 г., децильный коэффициент фондов (характеризующий соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими и 10% населения с самыми низкими доходами) постепенно возрастал – вплоть

до периода экономического спада 2008–10 гг., после которого он стал снижаться; новый этап его роста демонстрируют данные 2018–19 гг. Схожа и динамика индекса Джини, отражающего отклонение линии фактического распределения общего объёма денежных доходов населения от линии их равномерного распределения. Даже при снижении в последнюю декаду, индекс Джини остаётся достаточно высоким по меркам европейских стран. Так, в 2019 г., по предварительным данным, он составлял 41,1 (см. таблицу 1).

Всемирный банк оценивает уровень денежного неравенства в России с использованием тех же показателей для его оценки, что и ФСГС РФ, но сами оценки различаются, поскольку ФСГС РФ проводит дополнительные расчётные процедуры на основании аппроксимации доходного распределения. Так, сравнение двух версий оценок индекса Джини в динамике показывает, что корректировка доходов приводит к более сглаженной картине его изменений, в то время как оценки Всемирного банка демонстрируют «скачки» неравенства, особенно проявляющиеся в кризисные годы, и более заметное его снижение в период 2013–15 гг. В итоге расхождения между оценками ФСГС РФ и Всемирного банка оказываются наиболее высоки в посткризисные годы (см. рис. 1).

Источник: данные ФСГС РФ и Всемирного банка // URL: <https://data.worldbank.org> и https://www.gks.ru/storage/mediabank/urov_32g.doc. Обновлено 29.04.2020 (Дата посещения: 18.06.2020).

Рис. 1. Динамика индекса Джини в России, 1995–2018 гг.

Figure 1. Gini index dynamic in Russia, 1995–2018

Как эти данные позиционируют Россию на фоне других стран? Судя по данным Всемирного банка, положение страны по неравенству, измеренному с помощью индекса Джини, скорее срединное: хотя неравенство в стране и заметно выше континентальных европейских стран, оно ниже мировых максимальных границ, которые задают развиваю-

щиеся страны. На фоне стран БРИКС Россия характеризуется наиболее низким индексом Джини. Однако на фоне европейских стран его скорее можно охарактеризовать как высокий (см. таблицу 2).

Что касается распределения доходов по квинтилям и концентрации доходов в верхнем из них, о чём говорилось выше, то интересно, что и здесь Россия занимает промежуточные позиции, опережая большую часть европейских стран, но не являясь при этом лидером в группе БРИКС. Однако ещё раз нужно подчеркнуть высокую дифференциацию внутри верхнего квинтиля – как мы покажем далее, при переходе от верхних 20% населения по доходам к верхним 1–5%, позиционирование России на общемировом фоне значительно изменяется.

Таблица 2 (Table 2)

Показатели неравенства доходов в выборочных странах, 2011–18 гг.,
Всемирный банк

Income inequality indicators in different countries, 2011–2018, World Bank data

Страны	Индекс Джини	Доля дохода нижнего квинтиля	Доля дохода верхнего квинтиля	Доля дохода нижнего дециля	Доля дохода верхнего дециля
Россия	37,5	7,1	45,1	2,9	29,9
Бразилия	53,9	3,1	58,4	1,0	42,5
Индия	37,8	7,7	46,2	3,3	31,7
Китай	38,5	6,5	45,3	2,7	29,3
Великобритания	34,8	7,1	42,1	2,8	26,8
США	41,4	5,1	46,8	1,7	30,5
Германия	31,9	7,6	39,6	2,9	24,6
Венгрия	30,6	7,9	38,5	3,0	23,9
Польша	29,7	8,3	38,2	3,2	23,5
Швеция	28,8	8,3	37,1	3,0	22,3

Источник: данные Всемирного банка // URL: <https://data.worldbank.org> (Дата посещения: 23.06.2020). Приведены данные за последний доступный год для каждой страны по состоянию на 23.06.2020.

Провести позиционирование страны на международном фоне можно также с помощью данных Люксембургского исследования доходов¹. Данные о доходах собираются в этом исследовании на микроуровне, однако они имеют одно важное отличие – для оценок показателей неравенства используется шкала эквивалентности, которая позволяет учесть экономию на масштабе потребления. В данном случае доходы корректируются на квадратный корень от количества членов домохозяйства. Однако эмпирические исследования показывают, что такая шкала может являться достаточно жёсткой для ситуации в российском обществе, поскольку в условиях высокой доли расходов домохозяйств, направлен-

¹ LIS Cross-National Data Center – некоммерческая организация, которая поддерживает сравнительную базу международных микроданных о доходах (Luxembourg Income Study Database) для исследований в области социальных наук.

ной на обеспечение базовых потребностей в питании, одежде и обуви, экономия от масштаба оказывается менее значима, чем это предполагается при использовании такой шкалы [Корчагина 2007].

Согласно оценкам Люксембургского исследования доходов, индекс Джини в России оказывается заметно ниже и составляет 31,8. На фоне других стран этот показатель не представляется завышенным – он сопоставим с индексом Джини в Германии, Польше и Венгрии, и заметно ниже показателей в других странах БРИКС, а также США (см. таблицу 3). Такое же позиционирование России на международном фоне показывают и оценки децильного коэффициента – соотношения нижней границы дохода верхнего, наиболее благополучного по доходам дециля, и верхней границы дохода нижнего дециля¹. По оценкам Люксембургского исследования доходов, этот разрыв для России составлял в 2017 г. только 4,4 раза, снизившись с показателя 6,5 в 2000 г. Однако эти данные ещё раз ставят вопрос о корректности использования стандартных шкал эквивалентности для России.

Таблица 3 (Table 3)

Показатели неравенства доходов в выборочных странах, 2011–18 гг.,
Люксембургское исследование доходов
*Income inequality indicators in different countries, 2011–2018,
Luxembourg Income Study data*

Страны	Индекс Джини	Децильный коэффициент
Россия	31,8	4,4
Бразилия	46,2	8,7
Индия	47,9	9,8
Китай	39,6	7,0
Великобритания	33,7	4,1
США	38,4	5,9
Германия	29,6	3,8
Венгрия	26,8	3,2
Польша	28,8	3,5

Источник: данные Люксембургского исследования доходов // URL: <http://www.lisdatacenter.org> (Дата посещения: 23.06.2020).

Приведены данные за последний доступный год для каждой страны по состоянию на 23.06.2020. Последние доступные данные для Швеции представлены за 2005 г., поэтому эта страна была исключена из анализа. Данные по России – на 2017 г.; для расчётов аналитиками LIS используются данные ФСГС РФ.

Неравенство и бедность

С точки зрения неравенства, относящегося к нижней части доходного распределения, – разрыву между наиболее неблагополучной по доходам части населения и остальными, – ситуация в России в последние

¹ В отличие от децильного коэффициента фондов, о котором шла речь выше, здесь используются нижние/верхние границы децилей, а не средний доход децилей.

годы улучшалась, о чём свидетельствуют данные из разных источников. В частности, об этом говорят результаты, представленные в тематических докладах Всемирного банка 2016 и 2018 гг. [World Bank 2016; 2018]. Исследователи подчёркивают, что задача поддержания темпов сокращения бедности, характерных для последних 25 лет, при наблюдающемся снижении темпов экономического роста подразумевает сокращение неравенства и более равномерное распределение доходов в глобальном масштабе. При этом динамика неравенства оценивается через изменение доли доходов/потребления¹, приходящейся на 40% беднейшего населения. Эта граница установлена на основании экспертных оценок.

В России, согласно оценкам исследователей, нижние 40% населения с точки зрения доходного распределения показали более высокие темпы роста потребления в 2008–13 гг., чем население в целом, и таким образом Россия оказалась в числе стран, где степень «всеобщего процветания», выступающего в противовес неравенству, в этот период увеличилась. Для России среднегодовые темпы роста потребления составили в период с 2008 по 2013 г. 5,86% для нижних 40% населения при 5,27% для населения в целом.

По оценкам специалистов организации, снижение неравенства в России за счёт роста благосостояния нижних 40% в период с 2008 по 2013 г. явилось следствием прежде всего роста пенсий и зарплат бюджетного сектора, которые являются важными источниками доходов именно для низкодоходного населения. Меры социальной поддержки играли при этом ограниченную роль, поскольку многие из них не являются адресными и их получателями выступают представители разных слоёв населения. Обновлённые оценки Всемирного банка, опирающиеся на данные 2012–17 гг., показывают продолжение тенденции снижения неравенства в России (см. таблицу 4), хотя темпы роста потребления как среди 40% наиболее низкодоходного населения, так и среди населения в целом в этот период оказались отрицательными в результате развернувшегося в 2014 г. экономического кризиса.

О той же тенденции – сокращении разрыва между нижними по доходам слоями населения и средними группами – свидетельствует и динамика бедности. Выше уже отмечалось, что проблема неравенства по доходам несводима к бедности, однако в социально-политической повестке они часто озвучиваются в единой связке. Однако снижение уровня бедности не означает автоматического сокращения неравенства, хотя может внести в него свой вклад за счёт сближения низших и нижних средних слоёв населения.

В России официально принят абсолютный подход к определению бедности – бедным считается население, имеющее доходы ниже официально установленного в каждом регионе прожиточного минимума. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума по состоянию на 2019 г. составила 12,3% населения (18,1 млн чел.).

¹ В зависимости от особенностей имеющихся эмпирических данных для разных стран используется либо показатель дохода, либо показатель потребления.

Таблица 4 (Table 4)

Темпы роста средних доходов/потребления нижних 40% населения и населения в целом, 2012–17 гг., Всемирный банк
Annualized growth in mean consumption or income per capita, bottom 40% of the population and the population in general, 2012–2017, World Bank data

Страна	Период	Тип: доход/ потребление	Среднегодовые темпы роста среднего дохода/потребления на душу населения, %	
			Нижние 40%	Всё население
Россия	2013–2018	Потребление	-0,44	-2,27
Бразилия	2013–2018	Доход	-0,43	0,66
Китай	2013–2016	Потребление	8,38	7,12
Великобритания	2011–2016	Доход	1,76	2,42
США	2010–2016	Доход	1,31	1,66
Германия	2011–2016	Доход	-0,20	0,80
Венгрия	2012–2017	Доход	4,84	4,60
Польша	2012–2017	Доход	6,01	4,02
Швеция	2012–2017	Доход	1,39	1,98

Источник: Global Database of Shared Prosperity, circa 2010–2015. World Bank 2018 //URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/280281524500540582/GDSP-circa-2010-2015-Apr-12-2018.pdf>. (Дата посещения: 20.06.2020).

Приведены выборочные данные. Серым фоном выделены страны, где степень неравенства по методике оценки Всемирного банка сокращалась.

В Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.», подписанном в 2018 г., была поставлена задача сокращения бедности в два раза. Эта же задача затем была продублирована и в новом Указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.», подписанном в июле 2020 г. Снижения уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 г. предполагается теперь достичь к 2030 г. В сложных социально-экономических условиях, сложившихся в стране в настоящий момент, эта задача представляется достаточно амбициозной. Однако нужно сказать, что за последние три декады проблема бедности в российском обществе качественно изменилась – в частности, в постсоветский период Россия уже добивалась двукратного снижения бедности.

Социально-экономические преобразования 1990-х гг. привели к значительному ухудшению качества и уровня жизни населения и отразились в массовой бедности в этот период, включая бедность среди образованных и квалифицированных работников. Треть населения оказалась в числе бедных в 1992 г., поэтому в тот период бедность выступала для российского общества социальной нормой. Однако по мере того, как экономика и население страны адаптировались к новой реальности, ситуация с бедностью также начала меняться. На достижение цели двукратного сокращения бедности в 2000-х гг. сработал экономический подъём, рост заработных плат в бюджетном секторе и повышение пенсий. В итоге в 2012 г. доля бедных в стране достигла исторического мини-

му за весь период новейшей истории России, составив 10,7%. После этого тренд на снижение численности бедных изменил своё направление, и к 2015 г. доля бедных достигла 13,4%; в следующие годы опять последовало небольшое снижение, однако несмотря на него доля бедных остаётся выше исторического минимума (см. таблицу 5). Отметим, что за этот период неоднократно изменялась методика оценки бедности: в 2000 и 2013 гг. была изменена методология расчёта величины прожиточного минимума, в 2005 г. – состав потребительской корзины.

Тем не менее сегодня массовая бедность уже не является нормой для населения России, а доли имеющих бедных в своём окружении заметно сократились, что определило и изменившееся общественное восприятие этой проблемы [Мареева, Тихонова 2016]. Более того, изменился портрет бедности – в этой зоне в большей степени концентрируются низкообразованные и низкоквалифицированные россияне, характеризующиеся слабыми позициями на рынке труда [Слободенюк, Аникин 2018]. С другой стороны, важный вклад в бедность продолжают вносить демографические факторы (в частности, наличие детей) [Семьи... 2019].

Таблица 5 (Table 5)

Численность и доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода, 1992–2018 гг.

Population with income beneath the minimum subsistence level (number of people and share of population) and cash income deficit, 1992–2018

Год	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, млн чел.	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума от общей численности населения	Дефицит денежного дохода, в процентах от общего объёма денежных доходов населения
1992	49,3	33,5	6,2
1995	36,5	24,8	3,9
2000	42,3	29,0	5,0
2005	25,4	17,8	2,1
2010	17,7	12,5	1,2
2015	19,6	13,4	1,3
2016	19,4	13,2	1,3
2017	18,9	12,9	1,3
2018	18,4	12,6	1,2
2019	18,1	12,3	1,2

Источник: данные ФСГС РФ // URL: [https://www.gks.ru/storage/mediabank/urov_51g\(1\).doc](https://www.gks.ru/storage/mediabank/urov_51g(1).doc), обновлено 29.04.2020; 2019 г. – предварительные данные (Дата посещения: 18.06.2020).

Таким образом, доходное неравенство в нижней части распределения изменилось по своей сути – произошло «подтягивание» доли нижних слоёв к нижней части середины, в то время как оставшиеся в нижней части распределения сформировали более чёткий портрет бедности, отличающийся от «среднего россиянина» и подчёркивающий важность не только низкого уровня доходов, но и ряда немонетарных измерений неравенства.

В целом можно говорить о том, что за последние три десятилетия российское общество массовой бедности трансформировалось в общество массовых средних слоёв (однако насколько при этом благополучен их уровень жизни – отдельный вопрос). Изменилось и восприятие доходного неравенства в общественном сознании. Как показывают исследования, подобная динамика объективной ситуации с бедностью и неравенством привела к вытеснению проблемы бедности на периферию общественного сознания, поскольку сегодня она касается лишь небольшой части населения, в то время как проблема неравенства в восприятии россиян лишь обостряется [Мареева, Тихонова 2016, Мареева 2018].

Анализ абсолютной бедности в соответствии с официально принятым в России подходом позволяет проследить некоторые особенности трансформации доходного неравенства в исторической перспективе, но не позволяет отпозиционировать российское общество на международном фоне. С этой целью могут использоваться международные линии границ бедности и среднего класса, или, иными словами, абсолютные подходы к доходной стратификации обществ. Так, например, в международной практике широко используются различные границы бедности и среднего класса Всемирного банка. Они существуют в разных версиях – так, в прошлом специалисты Всемирного банка использовали границу уровня доходов в \$1 в день по паритету покупательной способности (ППС) как линию абсолютной бедности и её удвоенное значение \$2 – как границу зоны уязвимости к бедности. Затем эти границы были подняты до \$1,9 и \$3,2 по ППС соответственно. При этом для разных стран и регионов, а также в разных публикациях используются и другие границы: например, для стран с уровнем дохода выше среднего граница бедности часто проводится на уровне \$5,5, верхняя граница уязвимости (она же – нижняя граница среднего класса) – на уровне \$11 по ППС в день.

В недавних публикациях по России используются границы бедности и уязвимости в \$5 и \$10 соответственно, при таких границах население с уровнем потребления более 10 долларов в день считается средним классом [World Bank 2014; 2015]. Однако при использовании такой версии абсолютного подхода к доходной стратификации около 90% российского населения попадает в состав среднего класса, в то время как бедные составляют не более 2–3% даже на разных этапах экономического цикла (см. таблицу 6).

Таблица 6 (Table 6)

Доходные группы по методике Всемирного банка, 2014–18 гг.
Income groups according to the World Bank's definition, 2014–2018

Доходные группы	Ежедневный доход/ потребление, \$ по ППС	Численность доходных групп по годам		
		2014	2015	2018
Бедные	5 и менее	2,4	1,5	2,1
Уязвимые	5–10	10,3	9,9	8,4
Средний класс	10 и более	87,3	88,6	89,5

Источник: данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, расчёты автора.

Массивы взвешены с использованием постстратификационных весов, приводящих показатели выборки к параметрам генеральной совокупности по полу, возрасту и типу поселения.

Официальная российская статистика показывает схожие цифры – доля населения с доходами ниже \$1.9 по ППС в день ещё с 2010 г. остаётся на нулевом уровне, с доходами ниже \$5.5 составляет только около 1%, а с доходами ниже \$10 в день снизилась с 8,6% в 2010 г. до 5,4% в 2019 г., также демонстрируя принадлежность подавляющего большинства населения к среднему классу, определённого по таким границам¹. Сам Всемирный банк даёт более сдержанные, но также достаточно высокие оценки – численность группы россиян с расходами на потребление свыше 11 долларов США по ППС в день оценивается ими на уровне более 70%, хотя её динамика в последние годы негативная (79% в 2014 г., 74 – в 2015, 72 – в 2017 и 2018 гг.) [World Bank 2019: 30].

Такая картина – результат качественных изменений, произошедших в российском обществе за последние три десятилетия. Расчёты Всемирного банка демонстрируют, что в 2000 г. к среднему классу относилось лишь чуть больше четверти (27%) российского населения, но к 2010 г. эта доля возросла до 60%. По данным Всемирного банка, в 2010 г. Россия занимала одно из первых мест среди стран со средним уровнем доходов в регионе Европы и Центральной Азии по доле среднего класса в общей численности населения. Так, «в странах региона ЕЦА на долю среднего класса приходится от 2–3% (Таджикистан и Армения) до 80% (Беларусь) от общей численности населения. В рамках этого диапазона лишь очень немногие страны превышают 50% уровень: это Россия, Латвия, Венгрия, Литва и Беларусь» [World Bank, 2014: 34]. Среди факторов роста среднего класса специалисты Всемирного банка назвали доступ к рабочим местам и рост заработных плат как в частном, так и государственном секторах, а также индексацию пенсий. Данные, приведённые выше, свидетельствуют, что рост определённого таким образом экономического среднего класса продолжился и далее, и сейчас уже подавляющее большинство населения страны можно отнести к этой категории.

Возвращаясь к проблеме неравенств, такая динамика демонстрирует и снижение остроты проблемы неравенства в нижней части доходного распределения, о чём мы уже говорили выше. В российском обществе проблему экстремальной бедности, связанной с физическим выживанием, можно считать решённой, что сближает Россию со странами западной Европы, в которой подавляющее большинство населения, согласно этим критериям, также оказывается в среднем классе. С другой стороны, это отличает Россию от стран БРИКС, где бедность, определённая в соответствии с международными линиями, продолжает быть значимым явлением (см. таблицу 7).

¹ ФСГС РФ. Доля населения, имеющего доходы ниже границы бедности, установленной на международном уровне с учётом паритета покупательной способности // URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/2-6.doc>. Обновлено 29.04.2020 (Дата посещения: 15.06.2020).

Таблица 7 (Table 7)

Показатели монетарной бедности согласно международным линиям бедности, 2011–18 г., Всемирный банк, %
Monetary poverty according to international lines of poverty, 2011–2018, World Bank data, %

Страны	Доля бедных по линии \$1,9 в день (по ППС 2011)	Доля бедных по линии \$3,2 в день (по ППС 2011)	Доля бедных по линии \$5,5 в день (по ППС 2011)
Россия	0,0	0,2	2,3
Бразилия	4,4	9,2	19,9
Индия	21,2	60,4	86,8
Китай	0,5	5,4	23,9
Великобритания	0,2	0,3	0,5
США	1,2	1,5	2,0
Германия	0,0	0,0	0,5
Венгрия	0,6	1,2	3,0
Польша	0,3	0,6	1,4
Швеция	0,2	0,3	0,5

Источник: данные Всемирного банка // URL: <https://data.worldbank.org> (Дата посещения: 15.06.2020).

Приведены данные за последний доступный год для каждой страны по состоянию на 15.06.2020

Концентрация доходов и богатства

Что при этом происходит на другом полюсе доходного распределения? Для измерения неравенства, связанного с отрывом верхушки от остального населения, чаще всего используются показатели концентрации доходов или богатства. Эти данные характеризуются особенными сложностями в их получении, поэтому вокруг них чаще идут бурные методологические дискуссии. Однако даже при тех различиях, которые существуют в методах сбора и обработки данных у исследователей, занимающихся этой проблематикой, общие тенденции, которые высвечивает анализ относительно ситуации в России, сходятся – страна выступает одним из мировых лидеров по концентрации доходов (и в ещё большей степени – богатства) в руках верхних 1–5–10% населения. В частности, к такому выводу приходят аналитики Всемирной базы данных о неравенстве¹. Результаты, изложенные в последнем на данный момент Докладе о неравенстве в мире [Alvaredo et al. 2018], свидетельствуют о том, что в последние десятилетия неравенство в доходах росло практи-

¹ Проект, целью которого является обеспечение открытого доступа к данным об исторической эволюции распределения доходов и богатства в мире как в рамках отдельных стран, так и в международной сравнительной перспективе, и объединяющего целый ряд ведущих учёных, работающих с проблематикой монетарного неравенства в мире в последние годы (таких как Т. Пикетти, Э. Саец и др.). Подробнее см. на официальном сайте World Inequality Database // URL: <http://wid.world/wid-world>

чески во всех странах мира, но разными темпами. Выше всего неравенство в доходах на Ближнем Востоке, ниже всего – в Европе; Россия находится в этом отношении ближе к Европе, но опережает и её, и Китай. Так, по оценкам авторов, в 2016 г. доля национального дохода, приходящегося на 10% населения с наиболее высоким уровнем дохода, составляла 37% в Европе, 41% в Китае, 46% в России, 47% в США и Канаде.

Исследователи отмечают, что официальные оценки неравенства в России значительно недооценивают его рост с 1990-х гг. Доля доходов, приходящаяся на верхний процент населения, сейчас составляет около 20–22%, что примерно соответствует или оказывается даже выше, чем аналогичный показатель для США, и значительно выше, чем в Китае и других посткоммунистических странах Восточной Европы, где доли верхнего процента по доходам находятся в интервале 10–14% [Novokmet et al. 2017]. Ещё выше показатели концентрации богатства – в России доля верхнего 1% в общем богатстве всех домохозяйств увеличилась с 22% в 1995 г. до 43% в 2015 г. Эта доля выше, чем в США (39% в 2014-м), Китае (30% в 2015-м), Франции и Великобритании (в двух последних странах рост концентрации богатства был более умеренным за счёт роста недвижимого имущества среднего класса).

Широко цитируемым (хотя и критикуемым при этом за специфику методологии расчётов) источником, являются также ежегодные доклады Credit Suisse о распределении богатства в мире и по отдельным странам. По оценкам аналитиков Credit Suisse, по величине коэффициента Джини Россия по богатству оказывается в числе стран-лидеров: его значение в 2017 г. составило в ней 0,83, определив её на 20 место из 171 возможных¹. Более высокое значение коэффициента характерно для таких стран, как Венесуэла, Египет, ЮАР, Арабские Эмираты. Россия в этом отношении опережает практически все развитые страны, за исключением США. По концентрации богатства в руках 1–10% наиболее благополучных жителей Россия, по оценкам Credit Suisse, является мировым лидером. Так, у верхнего 1% российского населения находятся 56% совокупного богатства, и по этому показателю Россия разделяет лидирующую позицию в мире с Тайландом, опережая даже США.

Такие данные меняют позиционирование страны на международном фоне по сравнению с тем, о котором мы говорили выше, подчёркивая экстремальные неравенства в верхней части распределения.

Доходная стратификация массовых слоёв населения

Содержательный социологический взгляд на динамику неравенства доходов в середине распределения позволяет дать анализ доходной стратификации, одна из моделей которых, хорошо работающая в условиях современной России, была предложена рабочей группой под руко-

¹ Credit Suisse. Global Wealth Databook 2017. Credit Suisse group AG. Switzerland. P. 113–115.

водством Н. Е. Тихоновой [Тихонова и др. 2018]. Модель позволяет выделить в социальной структуре российского общества пять доходных групп, различающихся не просто уровнем дохода, но связанными с ним качественными особенностями своей повседневной жизни. Границы групп заданы относительно медианного значения дохода. По официальным данным ФСГС РФ, медианный доход составлял в 2018 г. 24755 руб., а в 2019 г. – 26365 руб. на человека в месяц, однако данные выборочных обследований показывают более скромные цифры: так, по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, которые мы используем далее, он составлял в этом году 16500 руб.

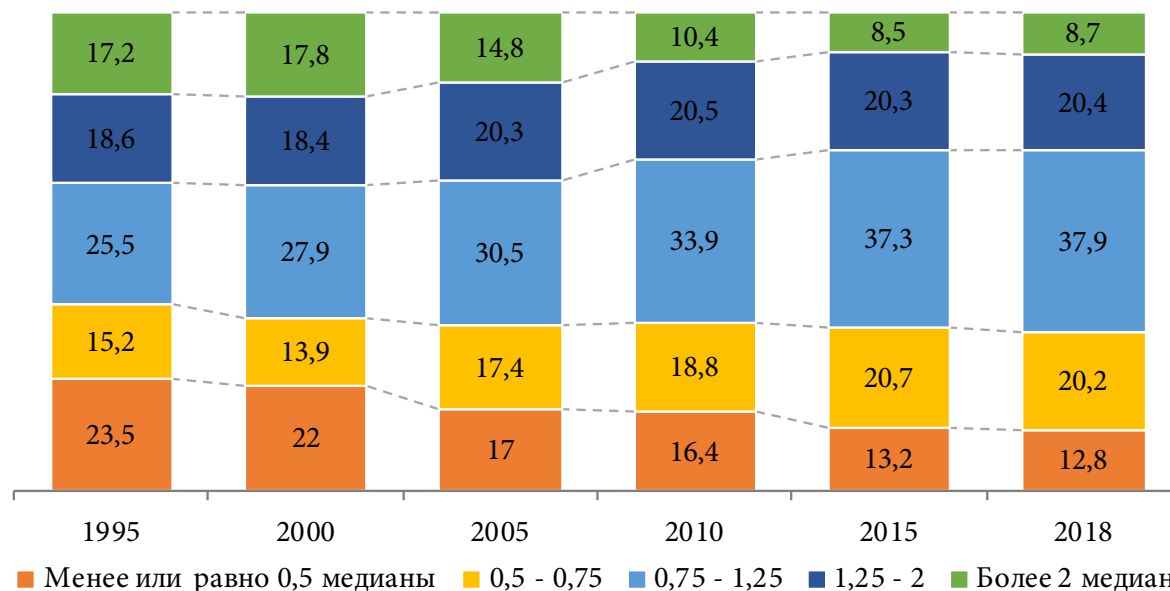
В предложенной классификации граница бедности задана на уровне 0,5 медианного дохода. Граница уязвимости к бедности определена на уровне 0,75 медианы (типичная нижняя граница при выделении среднего класса по доходам) – это те, кто балансируют на границе бедности и сталкиваются с высокими рисками, что их положение ухудшится, если личные обстоятельства или экономическая ситуация в стране изменятся. Бедные и уязвимые к бедности вместе составляют неблагополучную, низкодоходную часть общества. Эта группа оказывается более многочисленной, чем официально бедные с доходами ниже прожиточного минимума.

К «медианной группе» в рамках предложенной модели отнесено население с доходами вокруг медианного значения доходного распределения, т. е. не достигающими или превышающими его не более чем на четверть (0,75–1,25 медианы). В силу заданных таким образом границ, данная группа репрезентирует типичный стандарт жизни всего российского населения. Стандарт в целом очень скромный: лишь меньшинство удовлетворено своим материальным положением, возможности качественно улучшить потребление для представителей этой группы практически недоступны, а запас прочности (например, значимый объём сбережений) невысок. Однако стандарт их жизни уже далёк от стандарта выживания – так, например, они достаточно хорошо обеспечены товарами длительного пользования, а более половины имеют автомобили.

К «среднедоходной» группе относится достаточно благополучное население как с точки зрения уровня доходов (от 1,25 до 2-х медиан), так и соответствующих уровня и качества жизни. Наконец, к высокодоходным слоям населения отнесены имеющие более 2-х медиан доходного распределения. Поскольку в выборки опросов не попадают верхние 3–5% наиболее богатых, в этой группе представлена благополучная часть массового населения, а не та «верхушка», о которой мы говорили выше. Положение представителей этой группы более устойчиво, а стандарт жизни достаточно высок. Они могут выбирать, как расходовать средства, оставшиеся свободными после того, как базовые потребности удовлетворены, а также формировать «подушку безопасности». Им в большей степени доступны потребительские возможности, редкие для населения в целом (отдых за границей, наличие автомобилей-иномарок, покупка дорогих товаров длительного пользования и пр.).

Построенная в соответствии с приведёнными выше границами модель доходной стратификации современного российского общества демонстрирует, что её характеризует ряд особенностей, отражающих специфику монетарных неравенств. Среди этих особенностей – почти полное отсутствие нищеты, связанной с физическим выживанием, а также высокая численность медианной группы, в которой сосредоточена наиболее массовая часть населения. Результаты позволяют утверждать, что российское общество выглядит сейчас если и не как «общество массового среднего класса», но всё же относительно благополучно. В то же время преувеличивать степень благополучия россиян не стоит, учитывая, что уровень медианных доходов в стране не более чем в полтора раза превышает прожиточный минимум. Это определяет достаточно скромный стандарт жизни медианной группы, репрезентирующей типичное положение среднего россиянина (подробнее об уровне и качестве жизни разных групп см.: [Тихонова и др. 2018; Мареева 2017]).

Динамика численности доходных групп за последние два десятилетия показывает заметное увеличение «середины» при сокращении полярных групп – высоко- и низкодоходных. Сегодня наиболее массовой выступает медианная группа, численность которой возросла с 1995 г. с четверти до почти 40% населения; однако её формирование происходило не только за счёт сокращения низкодоходного населения, но и заметного сужения зоны благополучия (характеризующей массовое население, а не верхние 3–5% богатых, которые не попадают в выборки) (см. рис. 2).

Источник: данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, расчёты автора

Рис. 2. Динамика численности различных доходных групп, 1995–2018, %

Figure 2. Dynamics of income groups, 1995–2018, %

Таким образом, в последние годы в России происходило нарастание уравнивательных тенденций в отношении доходов массовых слоёв населения – при одновременно всё большем отрыве «верхушки» от основной массы населения, о чём свидетельствуют данные о концентрации доходов и богатства у верхних 1–5% населения.

Заключение

Монетарное неравенство, на первый взгляд, проще для измерения и оценки, чем различные типы немонетарных неравенств, которые в совокупности формируют социальное пространство. Однако разные теоретико-методологические подходы, через которые оно может быть рассмотрено, демонстрируют разные его аспекты. Так, традиционные экономические показатели неравенства доходов (децильный коэффициент, индекс Джини и др.) позиционируют Россию на фоне других стран мира как характеризующуюся высокими, но не максимальными показателями неравенства в массовых слоях населения. Если говорить о неравенстве в нижней части доходного распределения, то оно в 2000-е гг. сокращалось, т. к. численность бедных в целом демонстрировала тенденцию к снижению, а доходы низкодоходного населения росли быстрее, чем доходы населения в целом. Эти тенденции привели к тому, что российское общество трансформировалось из общества массовой бедности в общество массовых средних групп. И хотя уровень их жизни остаётся достаточно скромным, он всё же заметно превышает стандарт физического выживания: можно говорить о массовой малообеспеченности россиян, но не о массовом их обеднении в последние годы.

В полярной части доходного распределения, наоборот, наблюдался значительный и несокращающийся отрыв между «верхушкой», по концентрации доходов и богатства в руках которой Россия является одним из мировых лидеров, и остальным массовым населением. Что же касается середины распределения, то динамика модели доходной стратификации характеризовалась в эти годы значительным ростом численности групп с медианными и средними доходами. Увеличение их численности происходило как за счёт подтягивания части низкодоходных слоёв к середине (что проявилось, в том числе, в заметном снижении уровня бедности в 2000-е гг.), так и за счёт «усреднения» уровня доходов более благополучных слоёв.

Представляется, что подобные тенденции должны были бы снижать социальную напряжённость в группах населения с низким и средним уровнем доходов, поскольку неравенство является одной из наиболее острых социальных проблем в общественном сознании. Однако на практике проблема неравенства не теряет своей остроты, оставаясь ключевой «болевым точкой» нынешнего развития страны [Мареева 2018]. Это связано с целым рядом причин. Ключевые из них: нелегитимность оснований неравенства в глазах населения; острое восприятие россия-

нами растущего «отрыва» немногочисленной «верхушки», а не масштабов неравенства между массовыми группами населения; несоответствие тенденций выравнивания доходов в массовых слоях населения и сокращения высокодоходной группы запросам наиболее образованных и квалифицированных россиян.

В этих условиях особенно важным является понимание необходимости формирования нового общественного договора между обществом и властью, которое пока отсутствует как среди населения, так и во властных элитах. Вопросы, на которые предстоит ответить при определении позиций этого договора в отношении проблемы неравенств, достаточно много, и среди них важное значение имеет вопрос о том, с неравенством между какими группами и какими методами предполагается бороться: идёт ли речь только о поддержании наиболее бедных, о сглаживании неравенств в срединных слоях населения или о сокращении отрыва верхушки от основной массы россиян. Ответы на этот вопрос (и даже его постановка) пока не звучат в социально-политической повестке дня, однако без его решения не может быть эффективно реализован ответ на серьёзный вызов неравенства.

Библиографический список

Авраамова Е. М., Малева Т. М. 2014. О причинах воспроизводства социально-экономического неравенства: что показывает ресурсный подход // Вопросы экономики. № 7. С. 144–160.

Григорьев Л. М., Павлюшина В. А. 2017. Социальное неравенство как проблема экономической стратегии России // Мир новой экономики. № 3. С. 58–71.

Капелюшников Р. И. 2017. Неравенство: как не примитизировать проблему // Вопросы экономики. № 4. С. 117–139.

Корчагина И. И. 2007. Разработка регионального инструментария измерения бедности для целей адресных социальных программ для бедных // Социальная политика: Реалии 21 века. Независимый институт социальной политики. Выпуск 3: GP3/2007. С. 3–31.

Мареева С. В. 2017. Потребительское поведение средних слоев в условиях кризиса // Журнал институциональных исследований. Т. 9. № 1. С. 88–104.

Мареева С. В. 2018. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. № 26. С. 101–120.

Мареева С. В., Тихонова Н. Е. 2016. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России. Т. 25. № 2. С. 37–67.

Тихонова Н. Е., Лежнина Ю. П., Мареева С. В., Аникин В. А., Каравай А. В., Слободенюк Е. Д. 2018. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под общ. ред. Н. Е. Тихоновой. М.-СПб.: Нестор-История. 368 с.

Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудберг А. М. 2016. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (31). С. 170–186.

Салмина А. А. 2019. Индикатор неравенства Аткинсона как альтернатива Джини: оценки для России // Социальная политика и социология. Том 18. № 3. С. 83–92.

Семьи с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки. Доклад к XX Апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 9–12 апр. 2019 г. 2019 / Под ред. Л. Н. Овчаровой. М.: ИД НИУ ВШЭ. 153 с.

Слободенюк Е. Д., Аникин В. А. 2018. Где пролегает «черта бедности» в современной России? // Вопросы экономики. № 1. С. 104–127.

Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. 2018. World Inequality Report 2018. Executive Summary. World Inequality Lab. 16 p.

Atkinson A. B. 2015. Inequality: What can be done? Harvard University Press. 400 p.

Dallinger U. 2013. The endangered middle class? A comparative analysis of the role played by income redistribution // Journal of European Social Policy. Vol. 23. No 1. P. 83–101.

EBRD. Transition Report 2016–2017. Transition for All: Equal Opportunities in an Unequal World. European Bank for Reconstruction and Development. London, 2017. 104 p.

Grusky D. 2011. The Stories About Inequality That We Love to Tell // The Inequality Reader. Contemporary and Foundational Readings in Race, Class, and Gender. Westview Press. P. 1–13.

Milanovic B. 2016. Global inequality: A new approach for the age of globalization. Harvard University Press. 320 p.

Novokmet F., Piketty T., Zucman G. 2017. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016. National Bureau of Economic Research. No. W23712.

Piketty T. 2014. Capital in 21st century. Harvard University Press. 685 p.

Stiglitz J. 2012. The price of inequality: how today's divided society endangers our future. New York. 560 p.

World Bank. 2014. Russian Economic Report № 31. 47 p.

World Bank. 2015. Russian Economic Report № 33. 44 p.

World Bank. 2016. Poverty and Shared Prosperity 2016: Taking on Inequality. Washington, DC: World Bank. 170 p.

World Bank. 2018. Poverty and Shared Prosperity 2018: Piecing Together the Poverty Puzzle. Washington, DC: World Bank. 176 p.

World Bank. 2019. Russian Economic Report № 42. 63 p.

Статья поступила 14.07.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мареева Светлана Владимировна, кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН;
заведующая центром стратификационных исследований НИУ ВШЭ, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664

Monetary Inequality in Russia in the Sociological Dimension

Svetlana V. Mareeva

Institute of Sociology FCTAS RAS, NRU HSE, Moscow, Russia

E-mail: s.mareeva@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-2057-8518

For citation: Mareeva S. V. Monetary inequality in Russia in the sociological dimension. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 78–98. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664

Abstract. This article examines the specifics of the income inequality structure in modern Russian society, as well as the tendencies for its change during the country's post-Soviet period of development. It is shown that, compared to other countries, the traditional economic indexes which measure income inequality (decile ratio, Gini coefficient) position the Russian Federation as a country with a high degree of inequality within the mass layers of the population, especially when compared to Europe, albeit the level of inequality is slightly lower compared to BRICS member states. When using equivalence scales, which adjust the people's income after factoring in economies of scale in consumption, Russia's inequality figures improve even more. Based on quintile income distribution and the concentration of income within the highest quintile, Russia also occupies an intermediate position, surpassing most European countries, though not BRICS member states. However, the highest quintile is characterized by a high degree of differentiation. When transitioning from the wealthiest 20% of the population to the 1–5%, Russia's place among other countries of the world changes significantly: when it comes to the gap between the "upper crust" and the masses, Russia can be considered one of the leading countries in the world.

It has also been revealed that on the other end of the income distribution spectrum, at the population's lower strata, there has been a noticeable "rise" of low-income groups in the last few years, with them somewhat approaching the middle. It was manifested in a more rapid increase in prosperity among the lower 40% of the population when compared to the population in general, as well as in a noticeable decrease in poverty levels during the 2000's. Those citizens who were left in the lower strata of income distribution created a clearer image of poverty, which differs from the "average Russian" and emphasizes the importance of gauging not only low income level, but also an array of non-monetary inequality dimensions. Such a process of "homogenization" has led to an increase in the size of groups with median and average income, with them being the most numerous groups in the current structure of Russian society. However, the increase in the number of people in said groups was not only caused by their shifts from low-income groups of the population, but also because of some members from the more prosperous strata experiencing an "averaging" of their level of income as well.

Keywords: sociology, income inequality, wealth inequality, poverty, middle income group, income stratification

References

Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. World Inequality Report 2018: Executive Summary. Paris, World Inequality Lab, 2018.

Avraamova E.M., Maleva T.M. On the Causes of Socio-Economic Inequality Reproduction: What Does Resources Approach Show? *Voprosy Ekonomiki = Issues of Economics*, 2014: 7: 144–160 (In Russ.).

Dallinger U. The endangered middle class? A comparative analysis of the role played by income redistribution. *Journal of European Social Policy*, 2013: 23 (1): 83–101.

Families with children in Russia: living standards and social support policies. Ed. by Ovcharova L.N. Moscow, NRU HSE publ., 2019 (In Russ.).

Global Wealth Databook 2017 by Credit Suisse. Zurich, Credit Suisse group AG, 2017.

Grigoriev L.M., Pavliushina V.A. Social inequality as a problem of Russian economic strategy. *Mir novoy ekonomiki = World of New Economics*, 2017: 3: 58–71 (In Russ.).

Grusky D. The Stories About Inequality That We Love to Tell. In: *The Inequality Reader. Contemporary and Foundational Readings in Race, Class, and Gender*. Westview Press, 2011: 1–13.

Kapeliushnikov R.I. Inequality: How not to primitivize the problem. *Voprosy Ekonomiki = Issues of Economics*, 2017: 4: 117–139 (In Russ.).

Korchagina I.I. Development of regional instruments for measuring poverty for targeted social programs for the poor. *Social'naja politika: realii XXI veka = Social Policy: Realities of XXI Century*, 2007: 3: 3–31 (In Russ.).

Mareeva S.V. Consumption behavior of middle strata in times of economic crisis. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy = Journal of Institutional Studies*, 2017: 9 (1): 88–104 (In Russ.).

Mareeva S.V. Social inequities and the social structure of modern Russia as perceived by the population. *Vestnik Instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2018: 9 (3): 101–120 (In Russ.).

Mareeva S.V., Tikhonova N.E. Public Perceptions of Poverty and Social Inequality in Russia. *Mir Rossii = Universe of Russia*, 2016: 25 (2): 37–67 (In Russ.).

Milanovic B. *Global inequality: A new approach for the age of globalization*. Harvard University Press, 2016.

Model of income stratification of Russian society: dynamics, factors, cross-country comparisons. Ed. by N.E. Tikhonova. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2018. (In Russ.).

Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016. National Bureau of Economic Research. Release No. W23712, 2017.

Ovcharova L.N., Popova D.O., Rudberg A.M. Decomposition of Income Inequality in Contemporary Russia. *Jurnal Novoy Ekonomicheskoy Associacii = Journal of the New Economic Association*, 2016: 3 (31): 170–185 (In Russ.).

Piketty T. *Capital in 21st century*. Harvard University Press, 2014.

Salmina A.A. Atkinson's inequality measure as an alternative to Gini: estimates for Russia. *Social'naja politika i sotsiologija = Social Policy and Sociology*, 2018: 18 (3): 83–92 (In Russ.).

Slobodeniuk E.D., Anikin V.A. Locating the “poverty threshold” in Russia. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economics*, 2018: 1: 104–127 (In Russ.).

Stiglitz J. *The price of inequality: how today's divided society endangers our future*. New York, 2012.

Transition Report 2016–2017 by European Bank for Reconstruction and Development. *Transition for All: Equal Opportunities in an Unequal World*. London, EBRD, 2017.

World Bank. *Russian Economic Report No. 31*. World Bank, 2014.

World Bank. *Russian Economic Report No. 33*. World Bank, 2015.

World Bank. *Russian Economic Report No. 42*. World Bank, 2019.

World Bank. *Poverty and Shared Prosperity 2016: Taking on Inequality*. Washington, DC: World Bank, 2016.

World Bank. *Poverty and Shared Prosperity 2018: Piecing Together the Poverty Puzzle*. Washington, DC: World Bank, 2018.

The article was submitted on: July 14. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mareeva Svetlana Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences,
leading Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS;
Head of Center for stratification studies, NRU HSE. Moscow, Russia